

РЕЛИГИЯ, НАЦИЯ, ИДЕНТИЧНОСТЬ: ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗВУЧАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

RELIGION, NATION, IDENTITY: POLITICAL MEANINGS IN THE MODERN WORLD

DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-579-589

Научная статья / Research article

Нация и религия: к определению понятия «религиозный национализм»

А.В. Ситников

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
Российская Федерация, 119571, Москва, Проспект Вернадского, 84
sitnikov-av@ranepa.ru

Аннотация. Целью статьи является исследование феномена религиозного национализма, то есть случаев, когда религия и национализм оказываются тесно связаны и подкрепляют друг друга, а религиозная идентичность становится важной и неотъемлемой частью национальной принадлежности. Автор ставит целью проанализировать политический контекст наиболее показательных случаев религиозного национализма в европейских странах, выделить их существенные черты и условия возникновения, а также ответить на вопрос о наличии политических причин. Рассматривая феномен национализма в рамках конструктивистского подхода, автор использует также методы сравнительного анализа, опираясь на материал таких стран, как Ирландия, Польша, Греция, страны бывшей Югославии, а также на российский случай, имеющий место в Чеченской Республике. Обобщая эти случаи, автор описывает условия возникновения «союза» религии и национализма. Во-первых, это наличие религиозных различий между соседними сообществами. Во-вторых, это конфликт между ними, который содержит угрозу идентичности одной из сторон. В этих случаях религия становится важным маркером, отличающим сообщества друг от друга, и начинает выполнять нерелигиозные функции: утверждение национальной самобытности, этнической гордости, национальной чести, защиты суверенитета и культуры. Религиозный национализм всегда стимулирует рост религиозности народа, количество верующих в котором доходит до 90%. Однако эта религиозность не индивидуальная, она основывается не на персональном выборе веры, но коллективная и обязательная, где принадлежность к религии диктуется верностью нации.

Ключевые слова: нация, религия, национализм, теория национализма, этнорелигиозный конфликт, идентичность, религиозный национализм, религиозность

© Ситников А.В., 2020

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи: Поступила в редакцию 01.07.2020. Принята к публикации 10.08.2020.

Для цитирования: Ситников А.В. Нация и религия: к определению понятия «религиозный национализм» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2020. Т. 22. № 4. С. 579–589. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-579-589

Nation and Religion: towards Definition of Religious Nationalism

Alexey V. Sitnikov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
84, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119571, Russian Federation
sitnikov-av@ranepa.ru

Abstract. The aim of the article is to study the phenomenon of religious nationalism, i.e. cases when religion and nationalism are closely related and reinforce each other, and religious identity becomes an important and integral part of national identity. The author aims to analyze the political context of cases of religious nationalism in European countries, to describe their essential features and conditions of occurrence, and also to answer the question: are there any political reasons for religious nationalism? Considering the phenomenon of nationalism in the framework of the constructivist approach, the author also employs the methods of comparative analysis, using material from such countries as Ireland, Poland, Greece, the countries of the former Yugoslavia, as well as the Russian case taking place in the Chechen Republic. Summarizing these cases, the author describes the conditions for the emergence of an “alliance” of religion and nationalism. Firstly, it is a religious difference between neighboring communities. Secondly, it is a conflict between them, which contains a threat to identity. In these cases, religion becomes an important marker that distinguishes communities from each other, and begins to perform non-religious functions: the affirmation of national identity, ethnic pride, national honor, protection of sovereignty, and culture. Religious nationalism always stimulates growth of religious commitment of a nation, in which the number of believers may reach 90 percent. But this commitment is not individual, it is not based on a personal choice of faith, but collective and obligatory. Religious affiliation is dictated by loyalty to the nation.

Keywords: nation, religion, nationalism, theory of nationalism, ethno-religious conflict, identity, religious nationalism, religiosity

Article history: Submitted on 01.07.2020. Accepted on 10.08.2020.

For citation: Sitnikov A.V. Nation and Religion: towards Definition of Religious Nationalism. *RUDN Journal of Political Science*. 2020; 22 (4): 579–589. DOI: 10.22363/2313-1438-2020-22-4-579-589

Тема национализма является одной из наиболее обсуждаемых в современной политической науке. Дискуссии по вопросам о реальности нации, ее истоках и классификации продолжаются с опорой на основные теоретические наработки, предложенные Б. Андерсоном, Р. Брубейкером, Э. Геллнером, Л. Гринфелд, Э. Хобсбаумом, Э.Д. Смитом и другими авторами. Существует много всевозможных типологий национализма. Одним из его видов исследователи называют религиозный национализм. Он достаточно активно изучается в

современной науке. В частности, ученые значительное внимание уделяют религиозному национализму в Индии [1, 2], регионе Юго-Восточной Азии [3], а также в европейских странах [4].

Нация на смену религии

Нация по сравнению с религией – это относительно недавний феномен. Она возникла лишь в новое время и вскоре стала одним из главных механизмов возникновения сообществ. При формировании объединяющей людей национальной идентичности часто используются самые разные явления: язык, идеи, история. Для этой цели оказываются полезны в том числе и религиозные предания, практики и верования. Все это может превратиться в горизонт совместных представлений и сделаться совместным культурным наследием людей, которые никогда не встречались и «никогда не будут знать большинства своих братьев-по-нации», но при этом будут иметь в своем уме «образ их общности» [5, с. 47–48], заслуживающий того, чтобы непременно получить политическое оформление в виде отдельного национального государства [6]. Национальная идентичность обращена не к потустороннему миру, а к повседневной реальности, поэтому она всегда будет более очевидной, чем религия. Наделяя смыслом границы сообществ, она становится могущественной силой в современном секулярном мире, успешно рекрутирует приверженцев и осваивает многие из тех сфер, которые ранее были заняты религией. При этом для кого-то национализм становится своего рода заменой религии – ему служат и считают высшей ценностью.

Национализм возник примерно в XVIII в. в связи с идеями народовластия, эгалитарного гражданства и представительства [7; 8]. Эти идеи овладели умами тех, кто совершал Великую французскую революцию. Народ, провозглашенный единственным источником власти и объединенный в нацию, должен управлять собственным суверенным государством. В XIX в. эти идеи стали господствующими и наступила эпоха национализма [9]. В донациональную эпоху религия играла главную роль в процессе объединения людей, создании представления о принадлежности к группе, поддержании чувства единства со «своими». В новейшее время в смысловом поле идентичности религия вытесняется и, можно сказать, что национализм во многом приходит ей на смену, беря на себя ряд ее функций и предлагая людям, в частности, представления о смысле жизни индивида и общества, вызывая сильные эмоциональные переживания и наполняя жизнь человека разнообразным содержанием (можно, например, «болеть за своих» в спорте, гордиться победами предков или успехами национальных компаний на международной арене и т.п.). В период средних веков Европу объединяло господство единой в то время христианской религии. Различия между группами людей, в частности, на основе физических черт или «народных» языков не осознавались как значимые [10]. Цвет кожи, глаз, волос или диалект не считались основанием для создания сообществ. Одновременно с распространением секуляризации

обусловленные религиозной принадлежностью социальные связи и ценности замещаются теми, которые порождает национализм. Если в донациональную эпоху религия была основой солидарности, коллективного сознания, задавала моральные нормы, выступала хранилищем коллективных верований и памяти, объединяла человека с прошлым и будущим, то в новейшее время эту роль в обществе играет нация. В современном обществе не религия является исключительным средоточием смысла и сакрального, не она указывает предмет поклонения и почитания, напоминает людям об их обязанностях, но эту роль в большей степени выполняет нация [11].

До 1789 г. доминировали представления о религиозной легитимации власти, династии воспринимались как поставленные Богом. После американской и французской революций те, кто претендуют на власть, должны действовать от имени народа, выступать его представителями. Вместе с этим изменением резко понижается и значимость религии. Она отчасти продолжает, как и раньше, задавать для своих последователей эталоны морали, нормы поведения, предлагать практики спасения и образцы святости, которыми один народ отличается от другого. Но все это обретает новый смысл – все это должно служить «каркасом» для нации, основанием для возникновения устойчивого сообщества, единого народа со своей государственностью, уникальными преданиями, героями и святыми. С появлением нации преданность религии начинает восприниматься как средство, полезное для формирования нации, а не как самоценность. Современный национализм чаще всего очень ревниво относится к своим истокам: династия либо свергается, либо лишается реальной власти, а религиозные идеалы вечного спасения отходят на второй план, в сферу личной жизни или вовсе отвергаются. Религия перестает быть самоочевидной основой легитимации власти, и ей приходится доказывать свою полезность для нации. Сеть религиозных общин, которая на начальном этапе выступала в качестве «скрепы» для национализма, может казаться даже конкурентом абсолютным притязаниям национализма.

Преобладающий в XIX в. либеральный национализм, тесно связанный с идеями Французской революции, был по преимуществу республиканским и гражданским [9, с. 123]. Во Франции сторонники этого типа национализма противопоставляли себя католицизму и были его идеологическими противниками, а католическая церковь долгое время боролась с идеей нации. До конца XIX в. французский национализм означал светскость и антиклерикализм, символом чего была Жанна д'Арк (сожженная католиками как еретик). Все изменилось после разгрома Франции протестантской Пруссией в войне 1870 г. После этого поражения произошло сближение французского национализма и католицизма, а Жанна д'Арк стала знаменем католического французского сопротивления протестантским соседям. В конце XIX в. начинается ее культ, в 1909 г. Жанна провозглашена блаженной, а в 1920 г. – католической святой. Одновременно она становится главным национальным героем и символом Франции [12].

Хотя национализм во Франции остался по преимуществу светским и гражданским, этот пример показывает, что случаи, когда религия и национализм оказываются тесно связаны и подкрепляют друг друга, а религиозное содержание становится важной частью национальной принадлежности, обычно имеют политическую причину. Рассмотрим еще несколько наиболее ярких случаев, имевших место в европейских странах, и выделим их существенные черты.

Религиозный национализм в Европе

Наиболее показательный случай – это Ирландия. Британия со времени Реформации представляла угрозу для ирландской идентичности. Поскольку ирландский язык вышел из употребления, ирландская национальная идентичность могла убедительнее всего обосновываться на основе католицизма, который выступил наиболее полезным инструментом для построения нации. Ирландская идентичность формировалась в противовес британскому протестантизму. Католицизм для подавляющего большинства ирландцев сделался ключевым компонентом их национализма, отличительной чертой, этническим маркером, способным подчеркивать различия между этими народами [13–16].

Ирландия до недавнего времени демонстрировала очень высокие показатели религиозности, значительно выше, чем в любом другом западноевропейском государстве. В конце XX в. примерно 90 % ирландского населения принадлежало к католической церкви. Процент респондентов, которые заявляли, что ходят в церковь еженедельно, достигал 70, что было выше процента тех, кто признавал себя религиозными, – 65. Другими словами, даже нерелигиозные ирландцы посещали церковь и считали себя католиками. Некоторые религиозные нормы в этой стране стали частью повседневной жизни и государственного законодательства: не разрешался развод, незаконным являлся аборт. Лишь в последние годы показатели религиозности в Ирландии снижаются, но все же остаются достаточно высокими. Согласно переписи населения 2016 г. количество католиков составляло 78,3%¹, но в 2018 г. после проведения референдума были разрешены аборты, а в 2019 г. облегчены условия развода.

Польша – другая страна с аналогичными очень высокими показателями религиозности и католицизмом как неотъемлемой частью национальной идентичности. 96 % поляков – члены католической церкви, однако тех, кто называет себя верующими и участвует в религиозных практиках, заметно меньше [17]. В Польше до сих пор законодательно запрещены аборты. То, что католицизм стал и остается ключевой частью польской национальной идентичности, было обусловлено политической историей поляков, которая наполнена противостояниями с православными русскими и немцами-лютеранами. Эти противостояния носили в основном политический характер, но

¹ Census 2016 Summary Results – Part 1. Published by the Central Statistics Office, Ireland. April 2017 // URL: <https://static.rasset.ie/documents/news/census-2016-summary-results-part-1-full.pdf> (accessed: 03.08.2020).

проходили по религиозным границам, и борьба поляков за национальную самобытность всегда принимала религиозный подтекст [18, с. 37]. От России и Пруссии исходили угрозы польской государственности, и в период, когда последняя терпела катастрофу, роль католицизма возрастала. Национализм утверждался католической верой, объединяющей польский народ и мобилизующей его в сопротивлении соседям. Католицизм оставался центральным и самым естественным инструментом для сохранения польской национальной идентичности в том числе и в коммунистическую эпоху, когда произошло усиление связи между религией и польским национализмом [19]. Католицизм символизировал сопротивление, был инструментом объединения польского народа, выполнял роль сохранения и передачи национальной культуры против советского интернационализма, оказался источником национализма в коммунистическую эпоху. Быть католиком – один из способов, которым поляк мог отстаивать свою польскую идентичность.

Греция – это еще одно государство с чрезвычайно высоким религиозным национализмом. Ее политическая история складывалась несколько иначе – ей пришлось пережить множество угроз и столкновений с исламским миром, в результате чего ее национальная идентичность включила православие как важнейший компонент [20, с. 134–135]. В Османской империи православные греки жили по законам своей религии и общины, продолжая соблюдать свои православные традиции и обычаи, а церковь, имея привилегированное положение, помогала поддерживать греческую культуру и язык, не позволяя греческой нации ассимилироваться. Однако мусульманская власть всегда представляла собой потенциальную угрозу православной идентичности. Когда Османская империя вступила в период упадка, султаны усилили давление на своих православных подданных. Движение за национальную независимость Греции и последующее создание греческого национального государства приняли религиозный оттенок потому, что религия предоставила самый простой инструмент для массовой мобилизации в поддержку греческого дела. Греческий случай показывает, что религия для находящейся под угрозой исчезновения нации будет иметь огромное значение [21]. Православие и сегодня занимает центральное место в греческой идентичности и культуре – в символах, праздниках и многом другом [22; 23]. Православие закреплено в конституции как господствующая религия, т.е. официальная государственная религия Греции [24, с. 72]. Греки, так же как ирландцы и поляки, считаются одним из самых религиозных народов Европы. Более 97% молодежи в Греции утверждает, что принадлежит к православной церкви. Греческая молодежь в большей степени, чем кто-либо в Европе, выступают против эвтаназии (68,5%) и однополых браков (47,7%) [4, с. 114].

Национализм стран бывшей Югославии тоже носит по преимуществу религиозный характер и обуславливает высокую религиозность ее народов. В частности, православный национализм сербов был обусловлен тем, что им постоянно приходилось сталкиваться с угрозой со стороны инорелигиозных соседей. Последние, в свою очередь, также выстраивали свою национальную

идентичность на базе религии. Можно говорить о хорватском католическом национализме или боснийском исламском национализме. Случай народов бывшей Югославии показывает, что важнейшим фактором, обуславливающим появление прочной связи религиозной и национальной идентичностей, т.е. религиозного национализма, является этнорелигиозный конфликт, в ходе которого формируется коллективная память, связанная с жестокостью, совершенной одной религиозной группой против другой [25].

Условия возникновения религиозного национализма

Обобщая эти случаи, можно перечислить некоторые условия возникновения «союза» религии и национализма. В случае конфликта или любой угрозы идентичности имеющаяся религиозная граница между соперничающими группами естественно становится важным маркером национального самоопределения, а национальная и религиозная идентичности обретают тенденцию к слиянию. Как греческое православие является маркером принадлежности к греческой идентичности, так и быть поляком или ирландцем – значит обязательно быть католиком [25]. Религия в данном случае начинает выполнять нерелигиозные функции: утверждение национальной самобытности, этнической гордости, национальной чести, защиты суверенитета, культуры. При этом показатели религиозности оказываются чрезвычайно высокими. Религиозный национализм всегда стимулирует рост религиозности народа, а количество верующих в нем превышает 90%. Но эта религиозность не индивидуальная, она основана не на персональном выборе, она массовая, коллективная и внутренне для человека обязательная. В случае религиозного национализма принадлежность к религии диктуется верностью нации. Возможность выбора другой религии не предполагается, поскольку религия – неотъемлемая часть национальной культуры. Отход от религии рассматривается как предательство своего народа, измена памяти его героических предков. Религиозность носит преимущественно не личный, а публичный и политический характер, т.е. религиозность в значительной мере определяется не личным отношением к Богу, а лояльностью «своим».

Однако для того, чтобы универсалистская религия играла эту дифференцирующую роль в развитии явно неуниверсалистской национальной идентичности, недостаточно просто соседей, придерживающихся иных верований. Известно множество случаев, когда соседи относятся к разным конфессиям, но религиозный национализм не рождается. Этот феномен предполагает наличие еще одного условия: соседние сообщества не просто относятся к разным религиям, но при этом находятся в затяжном конфликте, и над слабой его стороной висит угроза поглощения или ассимиляции. В этом случае разница в религиозных верованиях становится важной для национализма, полезной в формировании и поддержании идентичности [4]. Существование религиозного национализма связано с наличием угрозы, при которой одна религиозная группа боится быть побежденной другой и исчезнуть, утратив

собственную идентичность. Не обязательно речь идет о физическом уничтожении людей, их не меньше пугает и культурная ассимиляция или утрата независимости. Этот страх является очень сильным мотивом, способным привести к массовой мобилизации этнических групп вокруг религии [26].

В России наиболее показательный случай религиозного национализма можно увидеть в Чеченской Республике. Именно там имеет место этническая граница, которая наложилась на имеющий долгую историю конфликт между группами, исповедующими разные веры. В такой ситуации религия воспринимается как важный маркер этнической самобытности народа, делающий его отличным от соседей и придающий осмысленность противостоянию. В принципе ислам не признает понятие «нация», а утверждает реальность мусульманской общины (уммы), имеющей полиэтнический состав. Наделение нации сакральным смыслом расценивается как нарушение единобожия. Национализм – это чуждое для мусульманского мира явление. Однако в российском контексте, где русское большинство разделяет секулярное мировоззрение или идентифицирует себя с православием, ислам может стать важным маркером национальной принадлежности, отличающим исповедующие его народы. А. Ливен отмечает, что в Чеченской Республике «ислам рассматривается как нечто отличающее чеченцев от русских... как составная часть национальной традиции» [27]. И даже те националисты, которые по своим личным убеждениям были далеки от какой-либо религиозности, декларируют приверженность «своей» религии как основе национальной культуры.

Религиозный национализм всегда стимулирует рост групповой религиозности, цифры которой, как мы видели выше, очень высокие. Опросы показывают, что в Чеченской Республике абсолютное большинство респондентов заявляют, что они в точности исполняют исламские предписания, регулярно участвуют в религиозных практиках, хотели бы иметь шариатские суды и желают, чтобы их дети изучали шариат в школе [28, с. 168].

Более внимательный анализ религиозности жителей Чечни дает основания предположить, что она носит в значительной мере декларативный публичный характер, обуславливается не личным отношением к Богу, а лояльностью «своим». В частности, 96% опрошенных утверждают, что они ежедневно пять раз в день совершают намаз [28, с. 160]. Известно, что эта практика включает произнесение суры аль-Фатиха на арабском языке. Это первая сура Корана – одна из самых известных. Она часто читается во время мусульманских обрядов, в частности намаза, и тот, кто совершает намаз, не может не знать ее наизусть. В проведенном нами опросе респондентов спрашивали о том, могут ли они прочитать суру аль-Фатиху на арабском языке, и 52% ответили, что не могут, – это половина тех, кто говорил, что регулярно совершает намаз [28, с. 165]. Итак, мы видим в Чечне характерные признаки религиозного национализма: запредельно высокая религиозность, которая является неотъемлемой частью групповой идентичности, носит публичный характер и символизирует лояльность своему сообществу.

Заключение

Таким образом, национализм, в основе которого лежит религия, можно назвать религиозным национализмом. Это, конечно, не значит, что язык, история и пр. не имеют значения, но именно религия в этом случае играет главную роль в существовании и единстве национального сообщества, а религиозные институты приобретают дополнительную функцию обоснования национальной культуры и самобытности, утверждения национальной гордости, чести и групповой идентичности. В Европе религиозный национализм проявляется наиболее ярко в Ирландии, Польше, Греции, бывшей Югославии, в России это Чеченская Республика. Общее в этих странах – наличие религиозной границы и протекающего по ней конфликта: протестантско-католического между Ирландией и Англией; православно-исламского между Грецией и Османской империей (Турцией); католическо-православно-исламского в Югославии, католическо-протестантско-православного – граница между Польшей и ее соседями, светско-православно-исламского в России. Эти случаи показывают, что религиозный национализм возникает, когда какое-либо стеремящееся к самоопределению и независимости сообщество, исторически связанное с конкретной религией, оказывается в окружении народов, принадлежавших к иной религии. В этом случае религия становится важным маркером, отличающим это сообщество от соседей, и возникает феномен религиозного национализма.

Библиографический список

- [1] *Kinnvall C.* Globalization and Religious Nationalism in India. The search for ontological security. New York, 2006.
- [2] *Veer P.* Religious Nationalism: Hindus and Muslims in India. Berkeley: University of California Press, 1994.
- [3] *Biver E.* Religious nationalism: Myanmar and the role of Buddhism in anti-Muslim narratives. Lund University, 2014.
- [4] *Barker P.* Religious Nationalism in Modern Europe: If God be for Us, London: Routledge, 2009.
- [5] *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016.
- [6] *Як Б.* Национализм и моральная психология сообщества. М.: Изд-во Института Гайдара, 2017.
- [7] *Манн М.* Источники социальной власти: в 4 т. Т. 2: Становление классов и наций-государств, 1760–1914 годы (книга первая). М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
- [8] *Гринфельд Л.* Национализм. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008.
- [9] *Delanty G., O'Mahony P.* Nationalism and Social Theory. Modernity and the Recalcitrance of the Nation. London: SAGE Publications, 2002.
- [10] *Ле Гофф Ж.* Рождение Европы. СПб.: Alexandria, 2014.
- [11] *Dingley J.* Nationalism, Social Theory and Durkheim. New York, Palgrave Macmillan, 2008.
- [12] *Amalvi Ch.* Catholicisme et Nationalisme les Métamorphoses Nationalistes de Jeanne d'Arc, de la troisième à la quatrième République: 1870–1946 // Confessions et Nations. Discours identitaires nationaux dans les cultures chrétiennes: Moyen Âge – XXe siècle. Paris: Honoré Champion Éditeur, 2014. P. 265–280.
- [13] *Nelson B.* Irish Nationalists and the Making of the Irish Race. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2012.

- [14] Coakley J. The Religious Roots of Irish Nationalism // *Social Compass*. 2012. № 58 (1). P. 95–114.
- [15] McCaffrey L.J. Irish Nationalism and Irish Catholicism: A Study in Cultural Identity // *Church History*. 1973. Vol. 42. No. 4. P. 524–534.
- [16] Jenkins B. Irish Nationalism and the British State: From Repeal to Revolutionary Nationalism. McGill-Queen's Press – MQUP, 2014.
- [17] Зубжицки Ж. Polonia semper fidelis? Национальная мифология, религия и политика в Польше // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016. № 3. С. 44–78.
- [18] Грыз Р. Римско-католическая церковь в Польской Народной Республике (1944/45–1989): формы сосуществования с режимом и роль идейной оппозиции // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2016. № 3. С. 11–43.
- [19] Волобуев В.В. Политическая оппозиция в Польше. 1956–1976. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.
- [20] Петрунина О.Е. Греческая нация и государство в XVIII–XX вв.: очерки политического развития. М.: КДУ, 2010.
- [21] Mavrogordatos G. Orthodoxy and nationalism in the Greek case // *West European Politics*. 2010. № 26 (1). P. 117–136.
- [22] Georgiadou V. Greek Orthodoxy and the Politics of Nationalism // *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 1995. Vol. 9. No. 2. P. 295–315.
- [23] Chrysoloras N. Why Orthodoxy? Religion and Nationalism in Greek Political Culture // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2008. № 4. P. 40–61.
- [24] Вензелос Е. Отношения государства и церкви: взгляд через призму конституции / пер. с греч. М.: Новое издательство, 2008.
- [25] Safran W. (ed.) *The Secular and the Sacred: Nation, Religion and Politics*. London: Frank Cass, 2005.
- [26] Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press, 1985.
- [27] Ливен А. Чечня: Трагедия Российской мощи. Первая чеченская война. М.: Издательство Университета Дмитрия Пожарского, 2019.
- [28] Ситников А.В., Романов М.В., Одаев Т.Х. Религиозность в Чеченской Республике и ее влияние на социальные институты и институты власти // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 2. С. 157–183. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.08>. Дата обращения: 03.08.2020.

References

- [1] Kinnvall C. *Globalization and Religious Nationalism in India. The search for ontological security*. New York; 2006.
- [2] Veer P. *Religious Nationalism: Hindus and Muslims in India*. Berkeley: University of California Press; 1994.
- [3] Biver E. *Religious nationalism: Myanmar and the role of Buddhism in anti-Muslim narratives*. Lund University; 2014.
- [4] Barker P. *Religious Nationalism in Modern Europe: If God be for Us*. London: Routledge; 2009.
- [5] Anderson B. *Imagined Communities. Reflection on the Origin and Spread of Nationalism*. London, New York; 1991.
- [6] Yack B. *Nationalism and the Moral Psychology of Community*. University of Chicago Press; 2012.
- [7] Mann M. *The Sources of Social Power. Vol. 2. The Rise of Classes and Nation States 1760–1914*. Cambridge University Press; 1993.
- [8] Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity*. Harvard University Press; 1992.
- [9] Delanty G. and O'Mahony P. *Nationalism and Social Theory. Modernity and the Recalcitrance of the Nation*. London: SAGE Publications; 2002.
- [10] Le Goff J. *The Birth of Europe*. St. Petersburg.: Alexandria; 2014 (In Russ.).
- [11] Dingley J. *Nationalism, Social Theory and Durkheim*. New York, Palgrave Macmillan; 2008.

- [12] Amalvi Ch. Catholicisme et Nationalisme les Métamorphoses Nationalistes de Jeanne d'Arc, de la troisième à la quatrième République: 1870–1946. In: *Confessiones et Nationes. Discours identitaires nationaux dans les cultures chrétiennes: Moyen Âge – XXe siècle*. Paris: Honoré Champion Éditeur; 2014. p. 265–280 (In French).
- [13] Nelson B. *Irish Nationalists and the Making of the Irish Race*. Princeton, NJ: Princeton University Press; 2012.
- [14] Coakley John. The Religious Roots of Irish Nationalism. *Social Compass*. 2012; 58 (1): 95–114.
- [15] Lawrence J. McCaffrey. Irish Nationalism and Irish Catholicism: A Study in Cultural Identity. *Church History*. 1973; 42 (4): 524–534.
- [16] Jenkins B. *Irish Nationalism and the British State: From Repeal to Revolutionary Nationalism*. McGill-Queen's Press – MQUP; 2014.
- [17] Zubrzycki G. *Polonia semper fidelis? National Mythology, Religion and Politics in Poland. Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2016; 34 (3): 44–78. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-3-44-78> (In Russ.).
- [18] Gryz R. Catholic Church in the People's Republic of Poland (1944/45–1989): Forms of Co-Existence with the Regime and the Role of Ideological Opposition. *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 2016; 3: 11–43. <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2016-34-3-11-43> (In Russ.).
- [19] Volobuev V.V. *Political opposition in Poland 1956–1976*. Moscow: Institut slavjanovedenija RAN; 2009 (In Russ.).
- [20] Petrunina O.E. The Greek nation and state in the XVIII–XX centuries. *Essays on Political Development*. Moscow: KDU; 2010 (In Russ.).
- [21] Mavrogordatos G. Orthodoxy and nationalism in the Greek case. *West European Politics*. 2010; 26 (1): 117–136.
- [22] Georgiadou V. Greek Orthodoxy and the Politics of Nationalism. *International Journal of Politics, Culture, and Society*. 1995; 9 (2): 295–315.
- [23] Chrysoloras N. Why Orthodoxy? Religion and Nationalism in Greek Political Culture. *Studies in Ethnicity and Nationalism*. 2008; 4: 40–61.
- [24] Venizelos E. *Relations between the state and the church: a view through the prism of the constitution*. Moscow: Novoe izdatel'stvo; 2008 (In Russ.).
- [25] Safran W. (ed.) *The Secular and the Sacred: Nation, Religion and Politics*. London: Frank Cass; 2005.
- [26] Horowitz D. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkeley: University of California Press; 1985.
- [27] Lieven A. *Chechnya: Tombstone of Russian Power*. Yale University Press; 1999.
- [28] Sitnikov A.V., Romanov M.V., Odaev T.H. Religiousness in the Chechen Republic and its influence on social institutions and institutions of power. *Monitoring obshchestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*. 2019; 2: 157–183. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.2.08>. Accessed: 03.08.2020 (In Russ.).

Информация об авторе:

Ситников Алексей Владимирович – доктор философских наук, профессор кафедры государственно-конфессиональных отношений Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. (ORCID: 0000-0002-7028-1691) (e-mail: sitnikov-av@ranepa.ru).

Information about the author:

Alexey V. Sitnikov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of State-Confessional Relations, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (ORCID: 0000-0002-7028-1691) (e-mail: sitnikov-av@ranepa.ru).